

УСТНЫЙ ЭПОС КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

(Азбелев С. Н. Устная история Великого Новгорода: Очерки IX–XVII столетий / Ответственный редактор В. Л. Янин. Великий Новгород, 2006. — 307 с.; Азбелев С. Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли / Ответственный редактор В. Л. Янин. СПб., 2007. — 295 с.: илл.)

Разгром исторической школы русских эпосоведов партийной печатью в 1936 г. надолго затормозил исследование в нашей стране проблемы «эпос и история». Но в 60-х годах к ней вплотную подошел известный археолог и историк Б. А. Рыбаков. Результаты его занятий былинами отразились сначала в большой статье, а затем в книге, которые получили резко негативные отзывы видных исследователей фольклора. Особенно основательно раскритиковал эпосоведческие штудии Б. А. Рыбакова автор дважды изданного ранее фундаментального труда о былинах В. Я. Пропп¹. На организованной вскоре в Москве устной дискуссии обнаружилась полная невозможность взаимопонимания в трактовке историзма русского эпоса между двумя главными ее участниками, наиболее авторитетными в своих областях, — профессионалом-фольклористом и профессионалом-историком².

Университетская подготовка историка и многолетняя работа в ряде областей фольклористики и источниковедения позволили участвовавшему в тогдашней дискуссии С. Н. Азбелеву впоследствии обратиться к упомянутой проблеме достаточно профессионально при соблюдении паритета двух ее аспектов — эпосоведческого и исторического. Результатами работ автора в данной области оказались серия статей и три монографии, одна из которых издана еще четверть века назад³. Две же недавние его книги и являются предметом рецензии. Речь пойдет главным образом о второй из них, так как материал первой книги в переработанном виде вошел во вторую. Последняя монография содержит новые главы и новое приложение.

Как писал во введении уже к первой книге редактор академик В. Л. Янин, «органическое совмещение материала нескольких отраслей гуманитарного знания делает ее одним из примеров комплексного источниковедения». Аннотации обеих книг С. Н. Азбелева сообщают, что в них анализируются разножанровые источники IX–XIX в. — по непосредственным записям устных произведений и по средневековым текстам, содержащим фиксации таких материалов. Автор опирается на совокупность имеющихся данных, соотнося их с письменной историей Новгорода и Новгородской земли. Методические приемы исторического источниковедения совмещаются с приемами, которые были выработаны в исследованиях фольклора. Полученные результаты помогают дополнить или уточнить исторические построения, основывавшиеся прежде только на показаниях летописей и других памятников письменности без должного учета устной традиции.

К этому следует добавить, что помимо русских текстов в книге использованы материалы западноевропейского эпоса, сохраненные в средневековых фиксациях. Профессиональное владение разнообразным массивом славянского фольклора и книжности сочетается у автора монографии с привлечением достижений археологии, лингвистики и искусствоведения; он многократно обращается к сведениям латинских хроник, западноевропейских и арабских исторических сочинений.

¹ О труде В. Я. Проппа и его возражениях Б. А. Рыбакову см.: Мартынова А. Н. Владимир Яковлевич Пропп: Жизненный путь и научная деятельность. СПб., 2006. С. 181–202.

² Материал дискуссии не издан. Ср.: Рыбаков Б. А. Исторический взгляд на русские былины // История СССР. М., 1961. № 5. С. 141–166; № 6. С. 80–96; Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963. — 361 с.; Пропп В. Я. Об историзме русского эпоса. (Ответ академику Б. А. Рыбакову) // Русская литература. Л., 1962. № 2. С. 87–91; Рыбаков Б. А. Об историзме русского фольклора и методах его изучения // Ученые записки ЛГУ. 1968. № 339. Филологический факультет. Вып. 72. Сер. филол. наук. С. 5–25.

³ См.: Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. — 327 с.

Книга 2007 г. включает десять глав, предисловие, заключение, приложение и указатель.

Первую главу автор посвятил Новгородской Иоакимовской летописи, уникальные сведения которой, основанные на привлечении ею устных материалов, интенсивно используются в ряде последующих глав. Важность и достоверность этого источника, введенного в науку В. Н. Татищевым, были некогда оговорены крупнейшим исследователем летописей А. А. Шахматовым, а сравнительно недавно доказаны В. Л. Яниным на основе результатов археологического изучения Новгорода. Напоминания об этом в монографии С. Н. Азбелева особенно актуальны именно теперь, когда существует весьма претенциозная книга Алексея Толочко, представляющая собой попытку без учета важнейших исследований и вопреки им дискредитировать Иоакимовскую летопись и весь использовавший ее труд В. Н. Татищева. Аналитический обзор исследований, посвященных Иоакимовской летописи, закономерный в главе, начинающей книгу С. Н. Азбелева, дает отсылку к напечатанному недавно критическому разбору упомянутого сочинения⁴.

Центральная тема второй главы, названной «Эпическая предыстория Новгородской земли», — исследование проблемы исторического прототипа главного богатыря севернорусского эпоса. Согласно выводам С. Н. Азбелева, этот эпический образ совместил в себе отображения двух одновременных исторических лиц. Преподобный Илья Муромец, мощи которого покоятся в Антониевых пещерах Киево-Печерской лавры, но о подвигах которого письменные источники молчат, стал как бы вторым прототипом богатыря Ильи. Первоначальным же его прототипом был Илья Русский, названный так в средневековых письменных фиксациях германского эпоса, повествовавших о борьбе с нашествием гуннов. В этих источниках, как и в Новгородской Иоакимовской летописи, где идет речь о той же эпохе, фигурирует и глава Руси Владимир Всеславич — наиболее ранний прототип былинного князя Владимира, имеющего в русском эпосе, как правило, отчество именно «Всеславич». Современником его и предстает «ярл» Илья Русский, подвиги которого не только вблизи территории будущей Новгородской земли, но и далеко за пределами Руси, описанные германским эпосом, могут быть соотнесены, как выяснил С. Н. Азбелев, с содержанием некоторых из зафиксированных в новое время былин об Илье Муромце.

Третья глава посвящена в основном Гостомыслу, который, согласно Новгородской Иоакимовской летописи, был прямым потомком Владимира Всеславича, а согласно другим летописям и севернорусским преданиям, став первым правителем Новгорода, инициировал приглашение Рюрика. Само обращение жителей Новгородской земли именно к Рюрику объясняется на основе источника фольклорного происхождения причинами династического характера: Рюрик по женской линии являлся внуком управлявшего тогда ильменскими и прибалтийскими славянами Гостомысла, будучи наполовину славянином, наполовину датчанином. По-видимому, именно Гостомысл возглавил одну из волн миграции в Приильменье балтийских славян — в связи с агрессивным натиском Каролингов. Этим наследникам империи Карла Великого противостояли и испытывавшие их давление датчане, а не только славяне, что, естественно, приводило к династическому союзу тех и других. Материалы археологии, лингвистики и фольклора однозначно подтверждают факты переселений в Приильменье славян Прибалтики, где, очевидно, располагался тогда один из трех центров Руси, известных по сообщениям арабских источников. Описанный ими «остров русов», местонахождение которого многие безуспешно искали на просторах Восточной Европы, доказательно был идентифицирован как балтийский остров Руяна (Рюген). Там находился языческий религиозный центр прибалтийских славян, имевший несомненные связи со славянами Новгородской земли, о чем свидетельствует дошедший до нас ее фольклор.

Четвертая, пятая и шестая главы, посвященные новгородским былинам X—XIII столетий, рассматривают их соотношение с известными по летописям фактами истории Новгородской земли и значение этих былин как исторических источников. Используемые С. Н. Азбелевым уникальные

⁴ Уже после выхода книги С. Н. Азбелева в киевской академической печати было опубликовано выполненное украинским ученым исследование, опровергающее попытку Алексея Толочко дискредитировать Иоакимовскую летопись. См.: Конча С. В. Чи існує Іоакимів літопис? // Український історичний журнал. Київ, 2007. № 2. С. 171–184.

сообщения Новгородской Иоакимовской летописи проясняют содержание двух эпических памятников, отозвавшихся на события X в. Прототипы главных героев этих былин — князь Владимир Святославич и его дядя по матери воевода Добрыня. Женидьба молодого Владимира, в то время еще новгородского князя, на полоцкой княжне, просватанной за великого князя киевского, была важным результатом военных действий, которыми руководил Добрыня. Отозвавшаяся на этот факт былина передавалась изустно около тысячи лет, отображая верно понятию его государственную в то время значимость. Постепенно утвердившееся на Новгородской земле позитивное отношение к крещению, произошедшему тоже при активном участии Добрыни, засвидетельствовала вторая былина о нем.

Две былины отразили события новгородской истории, связанные с князем Владимиром Мономахом. Вместе с новгородским князем Глебом Святославичем он совершил в 1077 г. успешный поход в Крым. Слабо отраженный в письменных источниках, этот факт трактуется былиной как результат стремления Новгорода обезопасить свою торговлю за рубежом. Былина о новгородском сотском Ставре, который был вызван Мономахом в Киев и там задержан, потом освобожден, отозвалась на это событие, ярко отразив стремление вольнолюбивых новгородцев XII в. оградить себя от княжеского самоуправства. В данном случае показательна совместимость относящихся к этому факту свидетельств весьма разнородных источников: былины, летописей, берестяных грамот и даже граффити на стене киевского собора св. Софии.

Прототипом былинного Садко был богатый строитель знаменитого храма, просуществовавшего в новгородском Детинце более пятисот лет и многократно упоминаемого в летописях. Строителем храма в Новгороде предстает и герой трех взаимосвязанных былин о Садко, разбогатевший благодаря искусной игре на гуслях. О прототипе Василия Буслаева в старших новгородских летописях сведений не сохранилось. Однако сами былины о Буслаеве, как и былины о Садко, не только красочно, но и достоверно передают важные особенности социального быта Великого Новгорода в XII—XV столетиях.

Старшие летописи Новгорода не сообщили об участии новгородского контингента в сражении на Куликовом поле. Оказалось, что существовали очень веские причины такого умолчания. Они были выявлены и подробно объяснены С. Н. Азбелевым. А сам факт доказывают древний синодик, в котором находится поминание павших в этой битве новгородцев, «Задонщина», где они названы в перечне жертв Куликовской битвы, и возведение в Новгороде ее участниками двух посвященных этому событию храмов в 1381 г. (о чем есть достаточно подробные сведения в младших новгородских летописях). На основе воспоминаний ветеранов знаменитого сражения создавались устные сказания, пересказы и обработки которых сохранены большим числом средневековых рукописей. С. Н. Азбелев вычленил в этом материале фиксации нескольких версий обстоятельного устного Сказания о помощи новгородцев Дмитрию Донскому. Их анализ позволил обогатить сведения о событиях 1380 г. и выяснить имена некоторых видных участников новгородцев, чья деятельность отразилась и в источниках, не связанных с Куликовской битвой.

Окончательное освобождение Русской земли от татарского ига в 1480 г. произошло вскоре после утраты Новгородом самостоятельности. Былина, отобразившая свержение ордынского владычества, приписала главную роль в этом событии богатырю Василию Казимировичу, прототипом которого явился известный новгородский воевода Василий Казимир. Он, несомненно, возглавлял новгородский воинский контингент в составе русского войска, успешно противодействовавшего тогда ливонской агрессии. Это сообщают московские летописи, которые, однако, не говорят о нем и о новгородцах, описывая последующие действия русской армии во время «стояния на Угре». Поскольку тогда, конечно, требовалось максимальное использование сил, которыми мог располагать Иван III, не приходится сомневаться, что в их составе должен был находиться и Василий Казимир с новгородскими ратниками. Следовательно, новгородская былина по-своему отозвалась на важный исторический факт, прямо летописью не упомянутый, но достаточно очевидный. Таков закономерный вывод автора монографии.

После ликвидации подчинения Орде Иван III стал часто в официальных документах именоваться царем, ему присваивали этот титул в получавших широкую известность публичных церемониях. За

ним закрепилось тогда и прозвание «Грозный» — в позитивном значении этого слова. Произведенный С. Н. Азбелевым анализ ряда исторических песен, в которых фигурирует «Грозный царь Иван Васильевич», показал, что они были сложены о событиях, происходивших еще при Иване III, а не при Иване IV. Но впоследствии некоторые из этих песен испытали и воздействие реалий правления Ивана IV. Таковыми были репрессии против новгородцев в 1470 г. Имея в виду под Грозным царем уже не Ивана III, а Ивана IV, переделка песни, записанная многократно в пределах Новгородской земли, включила эпизод, где речь идет о его злодеяниях в Новгороде.

Последняя глава книги С. Н. Азбелева исследует исторические песни и былинку, которые посвящены возглавлявшему новгородское войско герою Смутного времени князю М. В. Скопину-Шуйскому. Против него интриговали завистники, приписывая намерение захватить трон. Царь пригласил его в Москву якобы для воздания почестей за его победы. Близкие убеждали не ехать, осознавая опасность. Но он, рискуя, поехал, дабы этим опровергнуть клевету. На пиру жена завидовавшего Скопину неудачливого воеводы Дмитрия Шуйского поднесла герою отравленный кубок. Скопин был оплакан народом и торжественно погребен в Кремле. Кроме песни о его победах сохранилась песня о гибели Скопина, на основе которой сказители Новгородской земли сложили былинку. Как показывает автор монографии, центральная идея эпических произведений о Скопине — верно оцененный нравственный подвиг полководца, принявшего смерть ради доказательства своей верности присяге в обстановке беспринципной борьбы за власть.

В приложении исследуется, каким путем устный рассказ участника Куликовской битвы отразился в памятниках новгородского летописания. В 1386 г. в Полоцке приближенным участника сражения на Куликовом поле полоцкого князя Андрея Ольгердовича было записано и литературно обработано устное повествование о событиях 1380 г. Созданная таким образом подробная Повесть о Куликовской битве сохранилась полностью только в составе Новгородской летописи Дубровского, которая передала летописный свод, составленный в 1539 г. по инициативе митрополита Макария при участии потомков одного из воевод, возглавлявших русские полки в 1380 г. В конце XIV в. эта Повесть была включена в Летописец Великий Русский, который не сохранился. Дошли до нас восходящие к нему сокращенные извлечения. Среди них — краткая редакция Повести о Куликовской битве, попавшая в Новгородскую I летопись младшего извода. В первой четверти XV в. полный текст Повести был включен в Свод митрополита Фотия, из него с сокращениями перешел в Новгородско-Софийский свод 30-х годов XV в. Редакция Повести, находившаяся в этом своде, читается в составе Новгородской IV летописи и некоторых других.

Книга сочетает квалифицированный подход к материалу историка-источниковеда и филолога-фольклориста. Она опирается на многолетние исследования автором русского исторического эпоса и русского летописания. К сожалению, в ней мало отсылок к более ранним работам С. Н. Азбелева. Там некоторые вопросы рассматривались подробнее, но статьи в периодике, а особенно в малотиражных сборниках, не всегда известны специалистам. Содержание книги заметно обогащает традиционные сведения об истории и предыстории Древней Руси правомерным использованием народного эпоса. Монография оправдала заявку автора «выявлять соотношение восприятия истории, устойчиво отлагавшегося в народном сознании, с восприятием официозным, устойчиво влиявшим на последующую историографию» (С. 5).